

Agatha Christie[®]
ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie[®]

Агата Кристи

Второй удар гонга
Врата судьбы

Москва
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
PROBLEM AT POLLENSA BAY & OTHER STORIES
Copyright © 1991 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

Agatha Christie
POSTERN OF FATE
Copyright © 1973 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered
trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere.
All rights reserved.

Разработка серийного оформления *Андрея Саукова*

Кристи, Агата.

К82 Второй удар гонга ; Врата судьбы / Агата Кристи ; [пер. с англ.
Т. Н. Чернышевой, А. С. Петухова]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 448 с. — (Агата Кристи. Золотая коллекция).

ISBN 978-5-04-090112-8

«Второй удар гонга»

У себя в комнате обнаружен мертвым хозяин дома. Все двери и окна в комнате плотно закрыты, а рядом с телом лежит оружие. Самоубийство? Вероятно, так и считали бы все домочадцы и представители властей, но волей случая на званый обед в доме, где случилось это несчастье, был приглашен Эркюль Пуаро. Ему и предстоит разгадать тайну запертой комнаты...

«Врата судьбы»

На старости лет Томми и Таппенс Бересфорды стали счастливыми обладателями старого дома в деревне. Вместе с имуществом они унаследовали некоторые безделушки, в том числе коллекцию старых книг. И вот однажды, перебирая их, Таппенс неожиданно обратила внимание на подчеркнутые слова в романе Стивенсона «Черная стрела», объединив которые, можно было прочесть фразу: «Мэри Джордан умерла не своей смертью».

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-090112-8

© Чернышева Т., перевод на русский язык, 2017
© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ВТОРОЙ УДАР ГОНГА

СЕРВИЗ «АРЛЕКИН»

Мистер Саттерсвейт от досады дважды издал звук, похожий на кудахтанье. Так это или нет, но он все больше склонялся к мысли, что старые автомобили куда надежнее новых. Доверять можно только тому, что прошло испытание временем. Старые автомобили, они тоже с капризами, но все их капризы известны, понятны, и, если за машиной следить, ничего особенного не случится. А вот новые! Сколько штук, окошки с форточками, сверкающая панель, которая выглядит-то замечательно, но непривычная и неудобная, рука тянется не туда, куда надо, и не сразу находит, где включаются дворники, где ближний свет и так далее. Почему-то все это на ней находится там, где меньше всего ожидаешь найти. А уж если вдруг ваше новое блестящее чудо забарахлит, механики в гараже с удивительным постоянством начинают твердить все одно и то же: «Зубки-то еще не прорезались. Отличная машина, сэр, просто супер. Последнее слово техники. Но вот зубки еще не прорезались. Ха-ха-ха». Будто машина — это какой-нибудь вам младенец.

Мистер же Саттерсвейт, человек лет уже весьма преклонных, на этот счет придерживался другого мнения: любой автомобиль просто обязан быть как минимум совершеннолетним. Обязан быть испытан, проверен и избавлен от младенческих недугов еще до того, как попадет в руки к владельцу.

В тот день мистер Саттерсвейт ехал к своим друзьям за город, где намеревался провести выходные. Но не успели они отъехать

от Лондона, как его новый автомобиль принялся капризничать, а теперь стоял в гараже, ожидая диагноза, а мистер Саттерсвейт понятия не имел, сколько это еще продлится. Шофер в тот момент как раз беседовал с механиком. Мистер Саттерсвейт старался сидеть спокойно, вызывая к Господу, чтобы тот ниспослал ему терпения. Накануне, позвонив своему приятелю по телефону, мистер Саттерсвейт обещал успеть к чаю. Да, он будет в Довертон-Кингсбурне, пообещал тогда мистер Саттерсвейт, немногим позднее трех.

При мысли об этом он снова кудахтнул, после чего решил переключиться на что-нибудь более приятное. Глупо сердито взглядывать на часы и все время при этом кудахтать — мистер Саттерсвейт прекрасно отдавал себе в этом отчет, — будто курица, гордая тем, что снесла яйцо.

Да. На что-нибудь более приятное. Что-то такое ведь было, что-то попало на глаза, когда они ехали уже за городом. Со всем недавно, только что. Что-то такое, от чего на душе сразу же потеплело. Только он не успел понять, в чем дело, автомобиль расчихался, и поиск ближайшей станции обслуживания стал неизбежен.

Что же это было? Это было не слева, нет, справа. Конечно, справа и, конечно, уже в деревне, когда машина ехала медленно. Возле почты. Да, вот именно, возле почты. Потому что когда он увидел почту, то решил было позвонить Аддисонам и предупредить, что опоздает. Почта. Деревенская почта. А это «что-то» мелькнуло рядом... да, конечно, рядом, в соседнем доме или в крайнем случае через дом. Что-то такое, что всколыхнуло старые воспоминания, от чего захотелось... Но чего захотелось? Бог ты мой, сейчас, сейчас. Яркое пятно. Яркие краски. Конечно, яркие разноцветные краски. Какое-то слово. Какое-то слово, которое отозвалось в памяти, всколыхнуло что-то приятное, что-то хорошее, яркое. Воспоминания не о себе... о том, что когда-то он видел. Нет, не видел, он в этом участвовал. Участвовал в чем, когда и где? Везде. Неожиданно быстро ответил он на последний вопрос. Везде.

На каком-то острове? На Корсике? В Монте-Карло, когда стоял рядом с крупье, а тот раскручивал колесо рулетки? В загородном доме? Везде. Везде, где бы он ни оказался, он был там с кем-то. Да, вот именно, с кем-то. В том-то и дело. Наконец он нащупал нить. Вот только... В эту минуту из гаражного окна выглянули шофер и механик и прервали ход мыслей мистера Саттерсвейта.

— Осталось немного, сэр, — бодро произнес шофер. — Минут на десять. Не больше.

— Пустячное дело, — подтвердил механик хрипловатым, низким голосом жителя загорода. — Просто, так сказать, зубки.

Но на этот раз мистер Саттерсвейт не закудахтал. Он скрипнул зубами. Возможно, привычка скрипеть зубами, о которой он некогда лишь читал, а на старости лет сам усвоил, в его случае объяснялась тем, что верхняя челюсть сидела немного свободней, чем нужно. Ох уж эти зубки! Зубная боль. Зубовный скрежет. Зубной протез. «Все вертится вокруг зубов», — подумал он.

— До Довертон-Кингсбурна осталось всего несколько миль, — сказал шофер. — Здесь можно взять такси. Если хотите, сэр, поезжайте, а я потом пригоню машину.

— Нет! — сказал мистер Саттерсвейт.

Он сказал это столь решительно, что шофер и механик уставились на него в полном недоумении. Глаза у мистера Саттерсвейта заблестели. Голос стал ясный и твердый. Он все вспомнил.

— Пойду пройдуся. Когда справитесь, поезжайте дорогой, по которой мы приехали. Заберете меня в кафе... кажется, кафе «Арлекин».

— Вряд ли это подходящее для вас место, — заикнулся механик.

— Я буду там, — объявил мистер Саттерсвейт тоном, не терпящим возражений.

Он торопливо ушел. Двое мужчин озадаченно смотрели ему вслед.

— Не знаю, что это на него нашло, — сказал шофер. — Никогда его таким не видел.

Деревушка Кингсбурн-Двор жила в полном несоответствии со своим пышным названием. Одна улица. Горстка домов. Магазины были где попало, что свидетельствовало о том, что их то открывали в обычных жилых домах, то ввиду отсутствия покупателей снова закрывали.

Дома здесь были обыкновенные, не очень старые, не очень красивые. Невзрачные и обыкновенные. Возможно, именно потому, подумал мистер Саттерсвейт, яркое цветное пятно так и бросилось ему в глаза. А вот и здание почты. Обыкновенная почта с почтовым ящиком перед дверью, с витриной, где выставлены газеты и почтовые открытки, и рядом — да, рядом, в соседнем доме — над дверью красуется табличка.

Кафе «Арлекин». Неожиданно мистер Саттерсвейт и сам пришел в недоумение. Похоже, он выжил из ума. Старческие капризы. С какой стати одно слово вдруг вызвало такую бурю в душе? Кафе «Арлекин».

Механик со станции обслуживания прав. Вряд ли здесь можно поесть. Разве что перекусить. Или выпить чашечку кофе. Почему он сюда пришел? И тотчас мистер Саттерсвейт понял почему. Кафе — или, вернее, дом, где разместилось кафе, — было разделено на две части. В одной стояли столы и стулья, поджидавшие проголодавшихся. А в другой был крохотный магазинчик, где продавался фарфор. Не антиквариат. Ни стеклянных ваз, ни старинных кружек. На полках стояли вполне обычные современные чашки, но витрина сверкала всеми цветами радуги. Это был пестрый чайный сервиз. Синий, красный, желтый, зеленый, розовый, фиолетовый. «Поистине праздник красок», — подумал про себя мистер Саттерсвейт. Неудивительно, что он невольно обратил на него внимание, когда они медленно ехали по деревенской улице, отыскивая глазами гараж или станцию техобслуживания. У сервиза стояла табличка: «Чайный сервиз «Арлекин».

Конечно, именно это слово, «Арлекин», застряло в голове, всколыхнув какие-то воспоминания, воспоминания, запряванные так глубоко, что сразу и не извлечь. Пестрые краски. Костюм арлекина. И тут он решил, он подумал... мелькнула нелепая, тре-

вожная мысль, будто каким-то образом сервис имеет к нему отношение. Поставлен здесь для него. Может быть, в Кингсбурн-Двор заезжал выпить кофе или купить себе чашку его старый друг мистер Харли Кин и попросил выставить его в витрине? Сколько же лет они не виделись? Много, ох много. В последний раз, кажется, распрощавшись, мистер Кин повернулся и пошел прочь по деревенской улочке, которую они прозвали аллеей Влюбленных. Тогда мистер Саттерсвейт думал, что они непременно будут встречаться по крайней мере раз в год. Или хотя бы в два. Тем не менее нет. Вышло совсем иначе.

Ему в голову пришла удивительная, замечательная мысль: а что, если здесь, в этой крохотной маленькой деревушке, он снова увидится с мистером Харли Кином?

— Что за глупости, — сказал сам себе мистер Саттерсвейт. — Что за глупости. Вот уж выживший из ума старик.

Он скучал по мистеру Кину. За все последние годы ни один человек на свете не взволновал, не взбудоражил его так, как некогда волновал и будоражил мистер Кин. Тот умел появляться неожиданно, и если появлялся, следом происходило всегда что-нибудь необыкновенное. С ним, с мистером Саттерсвейтом. Впрочем, не совсем так. Не с ним, а с помощью мистера Саттерсвейта. Это было прекрасно. Да, именно так и сказал бы мистер Кин, именно это слово. Слова, слова. Мистер Кин что-нибудь рассказал бы, мистер Саттерсвейт что-нибудь бы придумал. Что-то заметил бы, что-то сообразил, что-то понял бы. Над чем-то задумался бы. А мистер Кин сидел бы тем временем перед ним за столом и, конечно, одобрительно бы улыбался. Одно какое-нибудь его слово, и в голове вихрем завертелись бы мысли, и он, мистер Саттерсвейт, стал бы снова деятельным и молодым. Он, мистер Саттерсвейт, человек, у которого столько друзей. Человек, в друзьях у которого герцогини и даже один епископ, то есть люди весьма значительные. Значительные, уточнил он про себя, в общественном смысле. Это потому, что, в конце концов, он, мистер Саттерсвейт, всегда был снобом. Ему нравилось дружить с герцогинями, нравилось быть другом семейств, которые

значились в королевских списках в течение многих столетий. Правда, еще у него все же были и другие друзья, которые ему тоже нравились, хотя с точки зрения общественной они были не всегда примечательны. Они были совсем другие, молодые, попавшие в беду, влюбленные, невезучие и нуждавшиеся в его помощи. Раньше, благодаря мистеру Кину, он, мистер Саттерсвейт, мог бывать кому-то полезным.

Потому он теперь и стоит, как дурак, на пороге невзрачного сельского магазинчика, где продаются обычный фарфор, чайный сервиз и кастрюльки.

— Так или иначе, — сказал сам себе мистер Саттерсвейт, — нужно зайти. Глупо сразу тащиться обратно и даже не зайти... на всякий случай. С машиной, насколько я понимаю, они все равно провозятся дольше, чем говорят. Какие там десять минут. Я найду просто на всякий случай, вдруг что-нибудь любопытное.

Он еще раз взглянул на витрину с сервизом. И неожиданно понял, что фарфор этот очень хорош. Хорошего качества. Отличный современный фарфор. Он напряг память, пытаясь что-то припомнить. Ах да, герцогиня Лейтская, сообразил он. Замечательная была старая леди. Как добра она была к своей горничной во время сильного шторма, когда корабль шел на Корсику, а та слегла от морской болезни. Герцогиня ухаживала за ней с заботливостью и терпением кроткого ангела и лишь на следующий день вновь показала характер, против чего в те годы никто из слуг, кажется, ничего не имел против, во всяком случае, не проявлял никаких признаков возмущения.

Мария. Да, герцогиню звали Марией. Милая старая Мария Лейтская. Она умерла несколько лет назад. Это у нее был утренний чайный сервиз «Арлекин», вспомнил мистер Саттерсвейт. Да, у нее. Большие разноцветные чашки. Одна была черная. Одна желтая, третья красная, а потом еще одна удивительно неприятного красновато-кирпичного цвета. Кажется, этот цвет, подумал мистер Саттерсвейт, был любимым у герцогини. Он вспомнил ее рокингемский сервиз, тоже красно-кирпичный, украшенный позолотой.

«Ах, — вздохнул мистер Саттерсвейт, — хорошее было время. Но, кажется, все-таки пора зайти. Выпить чашку кофе или что-нибудь вроде. Наверняка молока в нем больше, чем кофе, и наверняка он с сахаром. Тем не менее нужно же как-то убить время».

Мистер Саттерсвейт переступил порог. В кафе было почти пусто. Время чая, подумал он, пожалуй, еще не наступило. Кроме того, сейчас вообще мало кто пьет чай. Разве что дома, и то главным образом старики. Возле дальнего окна за столиком сидели молодые влюбленные, а напротив возле стены сплетничали две женщины.

— Я сказала, — говорила одна из них, — я сказала ей, что так нельзя. Так нельзя, и я не намерена это терпеть, я так и Генри сказала, и он со мной согласился.

У этого Генри, должно быть, нелегкая жизнь, мелькнуло в голове у мистера Саттерсвейта, и он давно, конечно, усвоил, что с ней легче согласиться, о чем бы ни шла речь. В высшей степени неприятная женщина и в высшей степени неприятная у нее подруга. Мистер Саттерсвейт отвел взгляд в сторону и сказал продавщице:

— Нельзя ли взглянуть, что тут у вас?

За прилавком стояла симпатичная женщина.

— О да, сэр, конечно. Мы только что получили новый хороший товар, — ответила она.

Мистер Саттерсвейт поглазел на разноцветные чашки, подержал парочку в руках, рассмотрел со всех сторон молочник, подержал в руках фарфоровую зебру, подумал и потрогал, разглядывая весьма симпатичные пепельницы. Услышав, как за спиной задвигались стулья, он оглянулся и увидел, что обе женщины, расплатившись, направляются к выходу. Навстречу им в кафе вошел высокий человек в темном костюме. Он сел за только что освободившийся столик спиной к мистеру Саттерсвейту. Мистер Саттерсвейт решил, что со спины вид у него вполне симпатичный: спина у незнакомца была сухощавая, крепкая и мускулистая. Тем не менее, может быть, оттого, что в кафе было слишком

сумрачно, что-то в ней было мрачное, почти зловещее. Мистер Саттерсвейт вновь отвернулся к пепельницам.

«Нужно купить одну, чтобы не огорчить хозяйку», — решил про себя мистер Саттерсвейт.

Так он и сделал, и, пока расплачивался с продавщицей, выглянуло солнце.

Мистер Саттерсвейт прежде и не сообразил, что в кафе темно, потому что хмуро на улице. Небо почти сплошь было в тучах. «Набежали они, — вспомнил мистер Саттерсвейт, — пока мы искали станцию». Но теперь вдруг снова выглянуло солнце. Лучи его заиграли в пестрых вазах, на чашках, пробились в кафе сквозь похожий на церковный витраж, который, подумал мистер Саттерсвейт, остался здесь, наверное, от викторианских времен. Осветили мрачноватый зальчик. Добежали до нового посетителя. Оставили на черной угрюмой спине синие, красные, желтые пятна. И вдруг мистер Саттерсвейт понял, что перед ним сидит именно тот, кого он, мистер Саттерсвейт, хотел здесь встретить. Интуиция не подвела. Вдруг понял, кто это вошел и сел у стены за столик. Понял с такой отчетливостью, что не нужно было даже ждать, когда тот повернется лицом. Мистер Саттерсвейт забыл про фарфор, перешел в кафе, обогнул круглый стол и сел напротив.

— Здравствуйте, мистер Кин, — сказал мистер Саттерсвейт. — Почему-то я так и знал, что сегодня увижусь с вами.

Мистер Кин улыбнулся.

— Вы всегда все знаете, — сказал он.

— Как же давно мы не виделись, — сказал мистер Саттерсвейт.

— Разве время имеет значение? — сказал мистер Кин.

— Возможно, и нет. Возможно, вы правы. Но, возможно, и нет.

— Позвольте вам что-нибудь взять.

— Неужели здесь можно есть? — с сомнением спросил мистер Саттерсвейт. — А ведь, кажется, вы зашли сюда именно для этого.

— Никто не знает наверняка, для чего кто-то что-то делает, не так ли? — сказал мистер Кин.

— Я очень вам рад, — сказал мистер Саттерсвейт. — Я, знаете ли, успел вас почти забыть. То есть забыть, как вы говорите и что рассказываете. И как вам удастся заставить меня думать и действовать.

— Я... заставляю вас действовать? Нет, вы к себе несправедливы. Вы всегда сами прекрасно знали, что делать и почему, и прекрасно знали зачем.

— Но без вас я ничего этого не знаю.

— О нет, — сказал мистер Кин. — Я тут совершенно ни при чем. Я всего лишь — и я говорил это не раз, — я всего лишь случайный прохожий. Не более того.

— И сегодня вы случайно оказались в этой деревушке.

— А вы разве нет? Наверняка вы собирались куда-то совсем в другое место. Или я ошибаюсь?

— Я собрался в гости к старому другу. Другу, с которым не виделся много лет. Он постарел. Стал чуть ли не инвалидом. У него был удар. Сейчас он вроде бы оправился, но ведь никогда не знаешь...

— Он живет один?

— Нет, теперь нет, и я очень рад. Семья его вернулась из-за границы, то есть то, что осталось от семьи. Вот уже несколько месяцев они живут все вместе. Я рад, что наконец можно приехать и увидеть их всех. Тех, кого я, так сказать, уже видел, и тех, кого еще нет.

— Вы имеете в виду детей?

— Детей и внуков. — Мистер Саттерсвейт вздохнул. На мгновение ему стало грустно оттого, что у него самого ни детей, ни внуков, ни правнуков. Жалел он об этом далеко не всегда.

— Здесь прекрасно варят кофе по-турецки, — сказал мистер Кин. — Очень хороший кофе. Остальное, как вы и сами изволили догадаться, малосъедобно. Тем не менее глоток кофе никогда не помешает, не так ли? Давайте-ка выпьем по чашечке, ибо, на-